

СЛЕД КРОВИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

След крови

«Автор»

2026

Ефимова О.

След крови / О. Ефимова — «Автор», 2026

Она видит смерть глазами убитых. Она платит за это своей жизнью. Но правда стоит любой цены. Прокурор по особым делам Вера Гордеева не верит в чудеса. Она верит в улики, протоколы и упорство. Но когда её напарника находят мёртвым при загадочных обстоятельствах, Вера получает вещдок, который меняет всё. Бронзовая перчатка, найденная в руке убитого, позволяет видеть последние секунды жизни жертвы и руки убийцы. Достаточно одного прикосновения к оружию. Цена? Каждое видение отнимает часть жизни — сначала тахикардия, потом отказ почек, а потом артефакт требует крови. Чтобы выжить, нужно убить носителя оружия. Но главный враг Веры — Полковник Туманов, глава секретного архива МВД, двадцать лет стирает память свидетелям и прикрывает преступления высокопоставленных лиц. У него — левая перчатка-«Зеркало», способная заставить человека забыть всё. Это остросюжетный детектив о цене истины, о материнской любви и о том, что иногда правда может убить, а ложь — спасти. Но кто решит, что важнее?

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	5
Глава 1. Чужие руки	7
Глава 2. Та, что говорит с железом	12
Глава 3. Вкус чужой крови	19
Глава 4. Зеркало в архиве	25
Глава 5. Первое убийство с артефактом	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

След крови

Глава

Пролог

Москва. Год назад. Октябрь.

Тьма в архиве была не простой — густой, липкой, будто само здание высасывало свет. Илья Волков шёл по коридору сектора «три», прижимая к груди папку с грифом «Совершенно секретно. Хранить вечно». Подошвы его ботинок скрипели по кафелю, и каждый скрип отдавался в пустоте, как выстрел.

Он не должен был здесь быть. Следователь прокуратуры, пусть и со связями, не имел доступа к этому подвалу. Но у Волкова был ключ — старый, ржавый, который он нашёл в вещах умершего архивариуса. И было чутьё — то самое, которое не раз выводило его на след убийц и которое сейчас громче любого приказа кричало: *иди, иди, правда, там.*

Правда была в бронзе.

Он вошёл в комнату, где на пыльном стеллаже, среди обгоревших бумаг и рассыпающихся в прах папок, лежала перчатка. Правая. Три желоба на тыльной стороне, бронза, покрытая зелёной окисью, и странное тепло, которое Волков почувствовал, ещё не касаясь металла.

— Вот ты где, — прошептал он.

Он протянул руку, и перчатка сама скользнула на его ладонь, обхватила пальцы, запястье, сжалась — не больно, а плотно, как вторая кожа. По телу пробежал холод, потом жар, а потом он услышал голос. Не ушами — внутри головы.

Ты видишь то, что видели они. Платишь жизнью, но видишь правду. Готов?

Волков хотел ответить, но в этот момент дверь открылась.

На пороге стоял полковник Туманов. Левая рука его была в тонкой кожаной перчатке, под которой угадывалась бронза. Он смотрел на Волкова без удивления — скорее с усталым сожалением.

— Зря ты пришёл, Илья. — Туманов шагнул в комнату. — Эту вещь не трогают. Она выбирает. А ты не её носитель.

— А чей? — спросил Волков, сжимая кулак в перчатке.

— Ещё не родился. Или родился, но не созрел. Ты сломаешься. Отдай.

— Не отдам.

Туманов вздохнул. Потом снял свою левую перчатку — бронза сверкнула в полумраке — и протянул руку.

— Тогда я вынужден.

Серебряный свет вспыхнул между ними. Волков успел поднять правую руку, бронза ответила, но он не знал, как управлять артефактом. Он был новичком, пешкой, которую поставили на доску слишком рано.

— Ты сотрёшь мне память, — сказал он, понимая. — Сделаешь из меня овощ.

— Нет, — Туманов приблизился. — Я сделаю так, что ты забудешь про перчатку. Забудешь, зачем пришёл. Уйдёшь и будешь жить дальше.

— А если я не хочу забывать?

— Тогда ты умрёшь. Потому что правда, которую ты ищешь, убьёт тебя. Не я — сама, правда.

Волков сжал зубы. Он почувствовал, как бронза на его правой руке нагревается, как нити выдвигаются из желобков, касаются воздуха. Он не знал, что с ними делать, но интуитивно направил их в сторону Туманова.

— Не надо, — сказал полковник. — Они убьют тебя быстрее, чем меня.

— Посмотрим.

Серебряный свет ударил ослепительной вспышкой. Волков закричал — не от боли, от перегрузки. Перед глазами пронеслись чужие смерти, сотни лиц, тысячи слёз. Он не был готов. Он упал на колени, выпустил перчатку из рук.

Туманов подошёл, поднял бронзу, наклонился над Волковым.

— Прости, Илья. Ты хороший следователь. Но правда не для всех.

Он коснулся левой перчаткой лба Волкова — и воспоминания о последних часах растаяли, как дым. Лицо следователя стало пустым, глаза остекленели.

— Иди домой, — сказал Туманов. — Спи. Завтра ты не вспомнишь ни этой комнаты, ни перчатки, ни меня.

Волков поднялся, шатаясь, и вышел. Не оглядываясь. Не зная, что через несколько часов упадёт с лестницы в своей квартире, и никто не назовёт это убийством. Просто несчастный случай. Просто ещё одна смерть среди тысяч.

Туманов остался один в комнате. Посмотрел на правую перчатку, которая пульсировала серебряным светом.

— Тебе нужна носительница, — сказал он артефакту. — Сильная, упрямая, готовая платить. Я найду её. Но сначала — немного отдохни.

Он спрятал перчатку в сейф, закрыл дверь и ушёл в темноту коридора.

Спустя год, в этом же архиве, в мешке для вещдоков найдёт тело Волкова, а прокурор Вера Гордеева возьмёт в руки бронзу и услышит тот же голос.

Ты видишь то, что видел он. Платишь жизнью. Готова?

Вера скажет: «Да». Не зная, что платить придётся не только жизнью.

Всё только начиналось

Глава 1. Чужие руки

Морг Центрального районного отдела. Суббота, 23:15.

Вера Гордеева не верила в мистику.

Она верила в протоколы, в цепочки доказательств, в тупое упорство вещественных улик, которые рано или поздно заговорят, если задать им правильные вопросы. Верила в запах — не в метафорический, а в самый что ни на есть буквальный: запах страха, который не выветривается из закрытой комнаты три дня, запах одеколona убийцы, оставшийся на воротнике жертвы, запах лжи, который Вера научилась различать ещё в академии, когда преподаватель по психологии заставлял их прослушивать записи допросов с закрытыми глазами.

Сейчас в морге пахло формалином, дешёвым мылом и чем-то сладковато-гнилостным — тем особым амбре, которое остаётся после вскрытия, когда воздух ещё не успел проветриться, а вытяжки работают на износ. Вера стояла у третьего стола, застеленного серой клеёнкой, и смотрела на тело мужчины лет тридцати.

Уличный музыкант. Скрипач. Без определённого места жительства, но в этом городе без определённого места жительства ходит каждый второй, если копнуть глубже. Погиб вчера вечером на Арбатском спуске — упал прямо во время исполнения «Чардаша» Монти, рухнул лицом в раскрытый футляр, где лежали три рубля мелочью и надкусанное яблоко. Скорая констатировала остановку сердца. Никаких признаков насилия. Формально — сердечный приступ. Формально — даже не дело, а так, повод для отписки.

Вера опустила взгляд на запястья трупа.

— Дай-ка сюда лупу, — сказала она, не оборачиваясь.

Патологоанатом Семён Ильич, человек с лицом вечного понеделника и руками, которые могли вырезать опухоль с ювелирной точностью, молча протянул биноклярную лупу на штативе. Он знал Веру Гордееву десять лет и давно перестал задавать вопросы. Если прокурор по особым делам приезжает в морг в субботу в одиннадцать вечера, значит, чует то, чего не видят другие.

— Что вас смутило, Вера Сергеевна?

— Ожоги, — ответила она, настраивая фокус. — Посмотри сюда.

Семён Ильич перегнулся через стол. На левом запястье музыканта, чуть выше линии часов, тянулась тонкая полоса — не кожа, а словно бы выжженный желобок глубиной в пару миллиметров. Края чистые, без наложения сажи, без характерного для электротравмы оплавления. Чистое, почти хирургическое удаление верхнего слоя эпидермиса. Такое же — на правом запястье. И ещё одно — на левой лодыжке, выглядывающей из-под простыни.

— Странно, — признал патологоанатом. — Я списал на посмертную мацерацию. Иногда при отеке...

— Нет, — перебила Вера. — Ты сам посмотри. Ткань не размягчена, она уничтожена. Чисто. Как будто кто-то провёл лазером по коже. Или... — она замялась на секунду, подбирая слово, — какой-то очень тонкой нитью.

Семён Ильич взял её за запястье — профессиональным жестом, без тени флирта — и поднёс к лампе. Долго разглядывал. Потом отпустил и выпрямился.

— Не могу объяснить. Нужно делать гистологию.

— Сделай. И ещё — возьми образцы из-под ногтей. Он мог сопротивляться.

— Вера Сергеевна, ему просто стало плохо. Сердце.

— Сердце, — повторила она, не глядя на собеседника. — А почему тогда у него на ладонях мозоли не там, где у скрипачей? Посмотри.

Она взяла правую руку трупа и развернула ладонью вверх. Мозоли были — плотные, жёлтые, настоящие рабочие мозоли, — но располагались на основании пальцев и в центре

ладони. У скрипачей, как знала Вера из единственного допроса, который она вела десять лет назад по делу о краже инструмента, мозоли обычно бывают на кончиках пальцев левой руки и на шее — от грифа. Здесь же рисунок был другим. Ближе к тому, что оставляет тяжёлая физическая работа с металлом. Или... оружием.

— Это ничего не значит, — тихо сказал Семён Ильич, но в его голосе уже не было уверенности.

— Может, ничего не значит, — согласилась Вера. — А может, значит, что твой «сердечный приступ» неделю назад тоже оказался «сердечным приступом». И тот парень в Бутове. И девушка на Каширке.

Она замолчала, соображая, сколько уже сказала. Семён Ильич был свой, но дело о странных смертях — пока не дело, а всего лишь дюжина неподтверждённых подозрений, за которые любой нормальный начальник отчитал бы её за паранойю. Три трупа за две недели. Трое мужчин и женщин без явной связи между собой. Разный возраст, разный социальный статус, разные районы. И у каждого — эти следы на запястьях. Тонкие, почти незаметные. Если не знать, куда смотреть.

Вера знала. Она научилась смотреть в те места, куда другие не смотрят, ещё год назад. Когда Волков...

Она отогнала мысль.

— Забери ткани на гистологию. И сделай спектральный анализ ожогов. Мне нужно знать, чем это оставлено. Металл, пластик, температура воздействия — всё.

— Это стоит денег, — напомнил патологоанатом. — Для рядового исследования у меня нет реактивов.

— Я найду деньги.

Она уже натягивала перчатки, собираясь уходить, когда в кармане пиджака завибрировал телефон. Номер был незнакомый, но определитель показал АТС МВД — внутренняя линия. Вера поднесла трубку к уху.

— Гордеева слушает.

— Вера Сергеевна? — Голос молодой, напряжённый, с лёгкой хрипотцой. — Это лейтенант Горелов, центральный архив. У нас тут... ситуация.

— Говорите.

Лейтенант замялся. В трубке слышно было, как он переводит дыхание — часто, нервно, как человек, который только что выбежал на мороз или увидел то, что не вписывается ни в один учебник.

— У нас... нашли тело. В подвальном помещении, архивное хранилище «Б», сектор семь. Оно здесь уже... давно. По документам числится как... — он запнулся. — Как вещественное доказательство по делу... по делу Волкова.

У Веры остановилось сердце.

Не в переносном смысле. Она почувствовала, как грудную клетку сдавило ледяным обручем, как кровь отхлынула от лица, как пальцы — та самая рука, которая минуту назад держала лупу, — побелели на корпусе телефона.

— Что значит «по делу Волкова»? — спросила она голосом, который сама не узнала. Тихим, ровным, без единой эмоции. Этим голосом она зачитывала обвинительные заключения. Этим голосом она хоронила надежды.

— Тело Волкова, Вера Сергеевна. Ильи Владимировича. Вашего... напарника. Его опознали по татуировкам и... и по анализам ДНК, которые мы только что экстренно пробили. Он здесь. В архиве. В мешке для вещдоков.

Вера медленно опустила телефон, не прерывая звонка. Повернулась к Семёну Ильичу. Тот смотрел на неё с выражением, которое она видела всего раз в жизни — когда ему принесли ребёнка с пулевым ранением, и он понял, что бессилён.

— Что случилось? — спросил патологоанатом.

— Волков, — сказала Вера. — Нашли тело Волкова.

Семён Ильич побледнел. Он тоже знал Волкова. Все знали Волкова — весёлого, громкоголового, вечно пропахшего табаком и жареными семечками мужика в немодной кожаной куртке, который умел разговорить любого свидетеля за пять минут и который на полном серьёзе утверждал, что «лучший способ допроса — это стопка водки и искренний интерес к собеседнику». Он пропал год назад. Сначала считали — уехал в командировку, не предупредив. Потом нашли его машину в лесополосе под Тверью с открытой дверью и следами крови на руле. Через неделю — тело в реке. Обезображенное, опознанное только по часам и по старому шраму на ключице. Похороны. Поминальный обед. Закрытое дело: случайная драка, свидетелей нет, подозреваемых нет, всё списали на бытовуху.

И вот теперь Вера слушала, как лейтенант Горелов пытается объяснить, что тело, которое похоронили год назад, всё это время лежало в архивном подвале с табличкой «вещдок».

— Я выезжаю, — сказала она в трубку. — До моего приезда ничего не трогать. Даже дверь не открывать. Ждите.

Она нажала отбой и посмотрела на Семёна Ильича.

— Ты нужен мне там. Как понятой и как специалист. Езжай со мной.

— Вера Сергеевна, сейчас почти полночь...

— Семён, — она сказала это так, что он вздрогнул. Не потому, что она повысила голос. Наоборот — он стал ниже, почти шёпотом. — Там труп человека, которого похоронили. Если это не ошибка экспертизы — а я не верю в ошибки, — то кто-то нас всех обвёл вокруг пальца. И этот кто-то до сих пор ходит по земле. Возможно, прямо сейчас он делает вид, что спит спокойно. Я хочу, чтобы он не спал.

Семён Ильич молча снял халат, повесил его на крючок, взял свой чёрный «дипломат» с инструментами.

— Поехали.

Дорога до центрального архива МВД заняла двадцать минут. Вера вела сама — свой старенький «Фольксваген», купленный ещё до того, как она стала прокурором по особым делам, машину без намёка на статус, с облезшей обивкой и вечно заедающей пятой передачей. Она любила эту машину за её честность. Она вообще любила честные вещи.

По пути молчала. Семён Ильич тоже молчал — уважал её горе, которое не выставляли напоказ. Год назад, когда Волкова «нашли» в реке, Вера не плакала при посторонних. Она пришла в кабинет начальника, положила на стол рапорт о переводе в другой отдел — потому что не могла больше здесь работать, потому что каждый стул напоминало, как Волков сидел напротив и пил чай из кружки с надписью «Лучший следователь года», — и начальник посмотрел на неё, вздохнул и сказал: «Вера, ты себя похоронила раньше, чем его». Она тогда не ответила. Просто вышла. Рапорт так и не подписала.

Архив МВД находился на окраине — серое пятиэтажное здание, похожее на больницу из советского фильма ужасов. Внутри пахло пылью, машинным маслом и чем-то сладким — дешёвым освежителем воздуха, которым здесь пытались перебить запах времени. Лейтенант Горелов ждал на крыльце — молодой парень лет двадцати пяти, в форме, которая висела на нём как на вешалке. Щёки впалые, под глазами синяки. Он явно не спал последние сутки.

— Вера Сергеевна, — выдохнул он, пожимая её руку. Ладонь была холодной и влажной. — Спасибо, что приехали. Я... я не знал, кому ещё звонить.

— Рассказывайте по дороге, — бросила Вера, шагая к дверям. — Что за сектор семь? Я была здесь пять лет назад, подвал тогда был закрыт.

— Был закрыт, — кивнул Горелов, семена рядом. — Сектор семь — это старый фонд, дела до две тысячи пятого. Там хранятся вещдоки по закрытым производствам. В основном ничего ценного — орудия убийства, изъятые наркотики, всё в таком духе. Охраны почти нет,

камеры... — он запнулся. — Камер там нет. Совсем. Мы сегодня проводили инвентаризацию по приказу нового начальства, и один из стажёров открыл мешок с биркой «Волков И.В., дело № 187-с». Думали, что там личные вещи. А там...

— Тело, — закончила за него Вера. — Труп. Как долго он там лежал?

— По состоянию кожи и суставов... — лейтенант посмотрел на Семёна Ильича, ища поддержки. Патологоанатом кивнул: продолжай. — Эксперты предварительно говорят, около года. Может, чуть больше.

— То есть его убили, подбросили фальшивое тело в реку, а настоящее... спрятали в архив?

— Похоже на то.

Они спустились в подвал. Здесь было холодно — не как в морге, а какой-то сырой, пронизывающей стужей, которая забирается под одежду и липнет к коже. Лампы дневного света мерцали неровно, выхватывая из темноты бетонные стены, металлические стеллажи, пластиковые контейнеры с бирками. В воздухе стоял запах разложения — не резкий, не трупный в полную силу, а приглушённый, какой-то вялый, как будто тело научилось разлагаться медленнее, чем положено природой.

У пятого стеллажа толпились люди в бахилах — двое экспертов-криминалистов, понятой и ещё один парень в форме, которого Вера не узнала. Завидев прокурора, они расступились.

На полу лежал раскрытый полиэтиленовый мешок. Внутри — человек.

Или то, что от него осталось.

Вера подошла ближе. Лицо было неузнаваемо — кожа приобрела цвет старого воска, черты оплыли, глаза ввалились, но татуировки... правую руку, торчавшую из мешка под неестественным углом, украшал знакомый рисунок: череп в берете, под ним — надпись «Афган». Таковую же Вера видела у Волкова сотню раз, когда он снимал куртку в кабинете и закатывал рукав рубашки, потому что ему всегда было жарко. И ещё шрам на ключице — неровный, звёздчатый, оставшийся после осколочного ранения в Чечне.

Это был он.

Но Вера смотрела не на лицо и не на татуировки. Она смотрела на его запястья — точнее, на то, что осталось от запястий. Тонкие, идеально ровные полосы. Такие же, как у уличного музыканта. Такие же, как у девушки с Каширки. Такие же, как у парня из Бутова.

— Господи, — выдохнул Семён Ильич. — Те же ожоги.

— Нет, — тихо сказала Вера. — Не те. Посмотри.

Она опустила руку рядом с мешком, достала из кармана одноразовые перчатки, натянула. Пальцы не слушались — мелкая дрожь, которую она не могла контролировать. Аккуратно, будто боясь причинить боль мёртвому телу, она приподняла правую руку Волкова.

На запястье, поверх старой ожоговой полосы, красовалась ещё одна — свежая. Нет, не свежая в смысле «вчерашняя» — просто нанесённая после смерти, когда кожа уже начала темнеть, и след получился более чётким, более глубоким. Рисунок на этот раз был другим. Не просто полоска, а знак. Вензель. Или буква.

— Увеличь, — попросила Вера, не оборачиваясь.

Семён Ильич поднёс лупу. Долго рассматривал. Потом выпрямился, лицо его было белым как простыня.

— Это не ожог, — сказал он. — И не механическое повреждение. Кожа... отсутствует. Не срезана, не выжжена. Она буквально исчезла на молекулярном уровне. Я такого никогда не видел.

— А знак? — спросила Вера. — Что это за знак?

— Похоже на стилизованную букву «Т». Но это не точно. Нужно оборудование.

Вера кивнула. Она уже не слушала. Она смотрела на правую руку Волкова, которая была зажата в кулак — неестественно, сведённое посмертной судорогой. Внутри кулака что-то блесло. Металлическое. Тёмное, с зеленоватым отливом — бронза или старая латунь.

— Дайте мне пинцет, — попросила она.

Лейтенант Горелов подал. Вера осторожно разжала окоченевшие пальцы — с глухим треском, от которого у неё заныли зубы, — и извлекла предмет.

Это была перчатка. Точнее — наруч. Бронзовая, покрытая зеленью окислов, но не хрупкая, а живая, тёплая на ощупь. На правую руку. Со странными желобками на тыльной стороне, похожими на пазы для чего-то, что должно было в них скользить. Внутренняя поверхность была выточена под человеческую кисть — с ювелирной точностью, будто её делали по индивидуальному слепку.

— Что это? — спросил кто-то из экспертов.

Вера не ответила. Она держала артефакт в руке и чувствовала — всем телом, каждой клеткой, — что это не просто старая бронза. Это ключ. Ключ к смерти Волкова. Ключ к смерти уличного музыканта. Ключ ко всем странным смертям, которые она видела за последние недели.

А ещё она чувствовала что-то другое. Что-то, что не могла объяснить. В такт её пульсу — гулкому, тяжёлому, — бронза едва заметно вибрировала. Будто прислушивалась к ней. Или звала.

Вера сжала перчатку в кулаке.

— Я забираю это как вещественное доказательство, — сказала она твёрдо. — Акт изъятия оформите сейчас же. Никто, слышите, никто не должен знать, что здесь было найдено. Особенно — начальство.

Она посмотрела на труп Волкова. На его лицо, которого уже не узнать. На ожоги, которые не похожи ни на что известное науке. На букву «Т», выжженную на коже.

— Тебя убили не просто так, Илья, — прошептала она. — Тебя убили за то, что ты что-то знал. И теперь я буду знать это тоже. Клянусь.

Она не знала, что клятва, которую она только что дала, будет стоить ей почек. Что бронза в её кулаке начнёт разговор, который нельзя будет остановить. Что уже через месяц она будет видеть смерть глазами умирающих — и ловить убийц их же руками.

Она не знала, что есть вторая перчатка. И человек, который носит её двадцать лет, уже понял, что Архив обокрали.

На улице, в чёрной «Волге» без опознавательных знаков, полковник Туманов убирал телефон в карман.

— Нашли, — сказал он негромко в пустоту салона. — Через год нашли. Плохо.

Он включил зажигание. В свете приборной панели его лицо казалось вырезанным из камня — никаких эмоций, только глубокая, вековая усталость. Он посмотрел на свою левую руку, на которой, под перчаткой из тонкой кожи, скрывалась точно такая же бронза.

— Ничего, — сказал он себе. — Она ещё не знает, что нашла. У нас есть время. Неделя. Может, две.

«Волга» бесшумно отъехала от здания архива, растворившись в ночи.

В подвале Вера всё ещё сжимала бронзовую перчатку, чувствуя, как странное тепло растекается от пальцев к запястью, от запястья — к локтю, от локтя — к сердцу.

И сердце билось в такт.

Тук-тук.

Тук-тук.

Глава 2. Та, что говорит с железом

Квартира Веры Гордеевой. Воскресенье, 4 утра.

Перчатка не снималась.

Вера сидела на краю продавленного дивана в своей однокомнатной квартире на окраине, смотрела на правую руку и пыталась унять дрожь. Бронза облегла кисть от кончиков пальцев до середины предплечья — точно по размеру, будто лилась прямо на её кожу. Тёплая. Живая. Каждый желобок, каждая выемка совпадали с анатомией её руки так идеально, что казалось — она носила эту перчатку всю жизнь и только сейчас заметила.

Но она не носила. И сейчас, когда Вера попыталась стянуть бронзу, та сжалась.

Боль была резкой, короткой — как укус. Металл впился в запястье, и Вера отдёрнула пальцы, услышав собственный сдавленный вскрик. На коже осталась красная полоса — не глубокая, но отчётливая. Предупреждение.

— Чёрт, — выдохнула она. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Она встала, прошлась по комнате — три шага до стены, три обратно. В голове гудело. Всё произошло слишком быстро: архив, труп Волкова, эксперты, её категоричный приказ никому не сообщать, подписанные акты изъятия, быстрая поездка домой под аккомпанемент собственных мыслей. И вот теперь она сидит в четыре утра с непонятным предметом на руке, который отказывается подчиняться законам физики.

Бронза не может сжиматься. Бронза — это сплав меди с оловом, у неё нет памяти формы, нет мышц, нет нервов.

Но перчатка сжалась.

Вера подошла к кухонному столу, взяла нож — обычный кухонный, с зазубренным лезвием — и попыталась поддеть край перчатки. Бронза даже не царапнулась. Тогда она попробовала мыльную воду — плеснула из-под крана в миску, опустила руку. Никакого эффекта. Перчатка плотно прилегалась к коже, но не мешала движению — пальцы сгибались, кисть поворачивалась. Бронза вела себя как вторая кожа.

Ты видишь то, что видел он.

Шёпот, который она услышала в архиве, когда впервые взяла артефакт в руки. Голос — не мужской и не женский, не громкий и не тихий, а какой-то промежуточный, как радиопомехи между станциями. Он прозвучал прямо в голове, минуя уши. И заставил её замереть на месте так, что лейтенант Горелов спросил, не нужно ли вызвать скорую.

— Мне нужно подумать, — сказала Вера вслух. Голос в пустой квартире прозвучал глухо, неубедительно.

Она подошла к окну. За стеклом занимался серый, промозглый рассвет — воскресное утро, которое не сулило ничего хорошего. Соседний дом, панельный, с облупившейся краской. Двор с качелями, на которых никто не качается. Её мир — конкретный, понятный, изученный вдоль и поперек — вдруг дал трещину.

Вера не верила в мистику. Она верила в улики, в экспертизы, в показания свидетелей. Если бы ей год назад кто-то сказал, что она будет сидеть в четыре утра с бронзовым наручем на руке, который не снимается и сжимается по собственной воле, она бы посоветовала тому человеку провериться у психиатра.

Но сейчас факты были таковы:

Её напарника убили. То, что похоронили год назад, было не им. Настоящее тело всё это время лежало в архиве, в мешке для вещдоков.

На запястьях Волкова и других жертв были странные ожоги — необъяснимые с точки зрения судебной медицины.

В руке Волкова была зажата бронзовая перчатка, которая теперь сидела на её собственной руке и отказывалась сниматься.

Перчатка... говорила.

— Если я схожу с ума, то пусть это будет последовательное безумие, — пробормотала Вера.

Она вернулась на диван, села, вытянула ноги. Посмотрела на перчатку. Бронза тускло блестела в утреннем свете. На тыльной стороне, там, где у обычной перчатки был бы шов, тянулись три параллельных желоба — гладких, отполированных, будто внутри них что-то скользило. Тысячу раз? Миллион? На краю каждого желоба Вера заметила крошечные отверстия — диаметром не больше булавочной головки.

Нити-резонаторы, — пришло в голову непонятно откуда. Она не знала этого слова, не слышала его никогда. Но перчатка, казалось, вложила знание прямо в её сознание. Как будто открыла маленькую дверцу в библиотеку, о существовании которой Вера не подозревала.

— Ладно, — сказала она. — Будем действовать научно.

Достала телефон, включила диктофон. Привычка — все свои рассуждения она записывала, чтобы потом расшифровать и не упустить детали.

«Четыре шестнадцать утра. На правой руке находится металлический предмет, внешне напоминающий латинскую перчатку. Материал — предположительно бронза или бронзоподобный сплав. Предмет не снимается механическими способами. При попытке снятия — сжатие, вызывающее болевые ощущения. В тактильном контакте — тёплый. Температура примерно тридцать шесть — тридцать семь градусов, что соответствует температуре человеческого тела».

Она замолчала. Потом добавила:

«Наблюдаются несанкционированные слуховые галлюцинации в форме шёпота. Содержание: "Ты видишь то, что видел он". Требуется дальнейшее наблюдение».

Вера нажала «стоп» и убрала телефон. Встала, подошла к аптечке — обычный советский шкафчик над раковиной, — достала корвалол, накапала в стакан. Выпила. Помогло не сильно.

Она попробовала ещё раз — медленно, методично, без паники. Смазала руку растительным маслом. Дёрнула. Перчатка даже не шелохнулась. Тогда Вера набрала ванну с холодной водой — от температуры металл должен был сжаться, расширяться? — но бронза осталась такой же тёплой, как и её собственное тело.

— Ты надо мной издеваешься, — сказала она перчатке.

Перчатка молчала.

Но в тишине квартиры Вера услышала кое-что другое. Слабый, едва уловимый звук — как будто очень далеко кто-то плакал. Женщина. Или ребёнок. Звук был неестественным, он шёл не извне, а изнутри — из той самой библиотеки, которую перчатка только что приоткрыла.

Концентрация, — сказала она себе. — *Ты прокурор. Ты расследуешь убийства. Если этот предмет — вещественное доказательство, ты должна его изучить. Даже если он ведёт себя странно.*

Вера закрыла глаза. Плач стал громче. А потом — резкий рывок, и она перестала чувствовать собственное тело.

Она стояла в чужой комнате.

Комната была маленькой, захлавленной — дешёвые обои в цветочек, продавленный диван, на стене плакат с группой «Король и Шут». Пахло перегаром и жареной картошкой. Вера не понимала, как она здесь оказалась — секунду назад была в своей квартире, в своей ванной, а теперь...

Она попыталась пошевелиться — и не смогла. Тело не слушалось. Она была не в своём теле. Она была наблюдателем, привязанным к чьим-то глазам. Чьи-то руки — грязные, с обкусанными ногтями — лежали на коленях. Женские? Мужские? Не понять.

А потом дверь открылась.

В комнату вошёл мужчина. Высокий, в тёмном пальто, лицо скрывал капюшон. Он двигался плавно, бесшумно — как тень. В руке он держал что-то продолговатое, тёмное. Вера не сразу поняла, что это, а когда поняла — её пронзил холод.

Нож. Охотничий, с широким лезвием и костяной рукояткой.

— Пожалуйста, — услышала Вера свой собственный голос — нет, не свой, а голос того, чьими глазами она смотрела. Женский. Молодой. Испуганный. — Пожалуйста, не надо.

Мужчина не ответил. Он подошёл ближе — и Вера увидела его руки. Обычные руки, в чёрных перчатках. На левой что-то блеснуло — бронза. Точно такая же бронза, как у Веры на правой. Только зеркально отражённая.

— Ты видишь то, что видел он, — повторил шёпот, но теперь он звучал не в голове Веры, а прямо в этой комнате, будто сам воздух её произносил.

Женщина закричала.

Вера хотела закрыть глаза, но не могла — она была заперта в чужом восприятии. Удар. Боль вспыхнула в груди — не физическая, а какая-то метафизическая, как будто лезвие прошло сквозь пространство и время и вошло прямо в сердце Веры. Она закричала вместе с женщиной, закричала так, что разорвала горло, и провалилась в темноту.

Она очнулась на полу собственной ванной.

Лицо было мокрым от слёз. В груди кололо — не больно, но неприятно, как будто после долгого бега. Вера с трудом поднялась, опираясь на край ванны, посмотрела на правую руку.

Бронзовая перчатка сидела на месте. Из желобков на тыльной стороне выдвинулись три тончайшие нити — прозрачные, почти невидимые, тоньше волоса. Они свисали с её запястья, мерцая в утреннем свете, и плавно покачивались, будто живые.

— Что... — голос сел, превратился в хрип. — Что это было?

Она поднесла руку к лицу. Нити не касались кожи — они парили в миллиметре от неё, всё ещё вибрируя. Вера осторожно потянулась к ним пальцами левой руки — и нити тут же втянулись обратно в желобки, исчезнув так же быстро, как появились.

Десять секунд жизни жертвы, — поняла она. — И пять секунд рук убийцы.

Перчатка показала ей смерть. Чью-то чужую смерть, которая случилась неизвестно где и неизвестно когда. Но Вера знала эту женщину. Та самая девушка с Каширского шоссе, чьё тело нашли в мусорном контейнере три недели назад. Формально — передозировка. Неформально — Вера тогда сразу заметила странные ожоги на запястьях, но не смогла пробить повторную экспертизу: начальство списало всё на лишние траты.

Ошибка, подумала Вера. Я тогда ошиблась. А теперь — теперь я знаю правду.

Она подошла к раковине, посмотрела на своё отражение. Из зеркала на неё смотрела женщина с бледным лицом, с красными глазами, с трясущимися руками. Женщина, которая только что пережила чужую смерть. Которая *почувствовала* боль убитой.

Вера открыла кран, умылась ледяной водой. Потом включила диктофон снова.

«Пять тридцать утра. Предмет активировался. Из желобков выдвинулись тонкие нити предположительно резонаторного типа. После контакта с нитями — спонтанное визуальное восприятие событий, идентифицированных как последние секунды жизни неизвестной женщины. Также — визуальный контакт с руками возможного убийцы. На левой руке убийцы обнаружен предмет, аналогичный находящемуся на моей правой руке, но зеркально ориентированный. Наблюдаются ярко выраженные соматические реакции: боль в грудной клетке, тахикардия, обильное слезотечение. Общая продолжительность — предположительно пятнадцать секунд».

Она хотела добавить ещё что-то, но передумала. Выключила диктофон. Достала из ящика блокнот — тот самый, в котором вела все свои заметки по «виснякам», — и написала крупными буквами:

ЛЕВАЯ ПЕРЧАТКА. УБИЙЦА ДЕВУШКИ С КАШИРКИ — ТОЖЕ ОБЛАДАТЕЛЬ АРТЕФАКТА. ВОЗМОЖНО, НЕ ОДИН.

Потом посмотрела на свои дрожащие пальцы и дописала:

ЦЕНА: БОЛЬ. ПОСЛЕ ПЕРВОГО ВИДЕНИЯ — ТАХИКАРДИЯ И СЛАБОСТЬ.

Вера отложила ручку. Села на край ванной, обхватила голову руками. Мысли метались: как это вообще возможно? Откуда взялась перчатка? Почему она показала именно эту смерть? И главное — почему Волков держал её в руке?

Она закрыла глаза. Перед внутренним взором снова появилась фигура убийцы в капюшоне, бронза на левой руке, нож. И шёпот, который она слышала дважды — в архиве и в виде-нии.

Ты видишь то, что видел он.

Кто — он? Волков? Или кто-то другой?

Вера почувствовала, как внутри неё поднимается волна тошноты. Она едва добежала до унитаза — её вырвало жёлчью. Организм реагировал так, будто она сама только что получила ножевое ранение. Сердце колотилось как бешеное — она машинально нащупала пульс на левой руке: сто двадцать ударов в минуту.

Не смертельно, но близко.

Она отдышалась, сполоснула рот. Посмотрела в зеркало ещё раз — теперь оно показывало женщину, которая только что увидела чужую смерть и поняла, что это был не сон, не галлюцинация, не помутнение рассудка. Это было настоящее. Она пережила чужие последние пятнадцать секунд.

И теперь знала то, чего не знала минуту назад: убийца девушки с Каширки носит такую же перчатку, только на левой руке.

— Значит, есть пара, — прошептала Вера. — И тот, кто носит левую... он может не только убивать. Он может что-то ещё. Иначе зачем Волкову эта?

Она вспомнила тело напарника: ожоги на запястьях, буква «Т», выжженная на коже. И главное — мешок для вещдоков в архивном подвале. Если Волкова убили и спрятали, значит, он знал то, что не должен был знать. И перчатка — ключ к этому знанию.

Ты видишь то, что видел он.

Возможно, Волков тоже надевал эту перчатку. Возможно, он видел те же смерти. Возможно, он попытался пойти против того, кто носил левую. И заплатил за это.

— Я не повторю твою ошибку, Илья, — сказала Вера в пустоту. — Но я докопаюсь до правды. Даже если эта штука меня убьёт.

Бронзовая перчатка на её правой руке чуть заметно вибрировала — как кошка, которая замурлыкала в ответ на ласку. Или как змея, почуявшая добычу.

Отдел по расследованию особо важных дел. Понедельник, 9 утра.

Вера вошла в кабинет с таким видом, будто ничего не случилось. Серый брючный костюм, белая блузка, волосы стянуты в тугий пучок. Никто бы не сказал, что она провела выходные, блуждая от чужих смертей и, пытаясь снять с руки бронзу, которая не снималась.

Правую руку она прятала под длинным рукавом пиджака. К счастью, перчатка оказалась довольно тонкой — под тканью её почти не видно. Только лёгкое утолщение на запястье, которое можно было принять за браслет или часы с широким ремешком.

— Гордеева, зайдите, — раздалось из кабинета начальника.

Алексей Петрович Соболев, полковник юстиции, мужчина пятидесяти пяти лет с лицом бульдога и характером сейфа, сидел за столом и просматривал какие-то бумаги. Вера вошла, закрыла дверь, села напротив.

— Что у вас с рукой? — спросил он, не поднимая головы.

— Растяжение, — соврала Вера. — Упала с лестницы.

Соболев хмыкнул, но допытываться не стал. Он вообще не любил деталей. Ему нужны были дела — раскрытые, подписанные, сданные в архив. Всё остальное его интересовало постольку-поскольку.

— По поводу вчерашней находки в архиве, — сказал он, откладывая бумаги. — Я дал указание передать все материалы в центральный аппарат. Труп Волкова — это уже не ваша компетенция, Гордеева. Вы были его напарником, у вас личная заинтересованность. Отстраняетесь.

Вера похолодела.

— Алексей Петрович, я...

— Не перебивайте. — Соболев поднял на неё тяжёлый взгляд. — Я знаю, что вы думаете. Вы думаете, что там что-то нечисто. Возможно, вы правы. Но есть регламент, и есть приказы. Дело Волкова передано в управление собственной безопасности. С ними и будете общаться. Всё, что вы успели вывезти с места — включая тот странный предмет, который вы изъяли, — подлежит передаче.

Вера сжала правую руку под столом. Бронза отозвалась лёгким теплом — будто предупреждением.

— Я не могу передать предмет, — сказала она.

— Почему?

— Потому что он... — Вера запнулась. Сказать правду? Что бронзовая перчатка приросла к её руке, показывает видения чужих смертей и, возможно, принадлежала убийце её напарника? Соболев вызовет санитаров. Или того хуже — сам вызовет Туманова. А Туманов, полковник из секретного архива, уже звонил ей в субботу вечером. Интересовался, не находила ли она «каких-либо артефактов, представляющих историческую ценность». Голос у него был спокойный, участливый — почти отеческий. Именно это и насторожило Веру больше всего.

— Потому что он — вещественное доказательство, — закончила она. — И я как прокурор не несу ответственность за его сохранность до передачи в лабораторию.

— Передадите сегодня до восемнадцати ноль-ноль, — отрезал Соболев. — Вопрос закрыт.

Вера вышла из кабинета, чувствуя, как в груди поднимается знакомая волна — не паника, нет, а холодная, тягучая злость на систему, которая всегда стремилась замаять то, что не вписывается в отчёты. Год назад она позволила замаять дело Волкова. Сейчас — нет. Сейчас у неё есть то, чего не было тогда.

Правда, — подумала она. — У меня есть правда. Я просто пока не умею её читать.

Она зашла в свой кабинет — маленькую комнату с одним окном, выходящим на стену соседнего здания, — и закрыла дверь на ключ. Сняла пиджак. Закатала рукав блузки.

Бронзовая перчатка тускло блеснула в свете люминесцентной лампы. Сегодня она казалась темнее, чем вчера — словно напилась кровью видения. Или её собственным потом.

Вера осторожно коснулась желобков на тыльной стороне. Нити не выдвинулись. Но она почувствовала знакомый толчок — как будто внутри перчатки проснулось что-то живое. Голодное. Нетерпеливое.

Ещё, — прошептал голос в голове. Ещё видение. Ещё смерть. Ты хочешь знать правду? Тогда смотри.

Вера отшатнулась, выронив рукав. Она не будет смотреть. Не сейчас. Ей нужно подготовиться, найти способ контролировать артефакт, а не подчиняться ему. Она же прокурор — не орудие. Не палач.

Но в глубине души она уже знала, что выбор не за ней.

Перчатка выбрала её. Или Волков выбрал её, зажав артефакт в кулак перед смертью. А может, что-то другое — более древнее, более тёмное — выбирало всегда само, а люди были лишь временными носителями.

Вера села за стол, достала блокнот. Перечитала вчерашние записи. Потом открыла папку с делом убитой девушки с Каширки — той самой, чью смерть она увидела глазами. Имя: Алина Ковалёва, двадцать два года, студентка, без вредных привычек, не состояла на учёте. Никто не понял, как она оказалась в мусорном контейнере с иглой в вене.

Игла — это было липовое заключение. Вера перечитала акт судмедэкспертизы, который она тогда не подписала. «Следы инъекций в области локтевого сгиба». Но в видении не было никаких инъекций. Был нож. Был удар в грудь. Была левая перчатка убийцы.

Значит, у нас два типа смертей, — подумала Вера. — Одни — с ножом и видны настоящие раны. Другие — инсценировки под естественные причины или несчастные случаи. Ожоги на запястьях — общие для всех. Но настоящая причина смерти может быть разной.

Она взяла ручку и написала на полях: **ПЕРЧАТКА ЛЕВАЯ — ВОЗМОЖНО, СТИРАНИЕ ПАМЯТИ ИЛИ ИЗМЕНЕНИЕ ВОСПРИЯТИЯ. ЗАСТАВЛЯЕТ ЖЕРТВУ УМИРАТЬ БЕЗ ВИДИМЫХ ПРИЧИН? ИЛИ ПРОСТО МАСКИРУЕТ НАСТОЯЩУЮ?**

Где-то в здании хлопнула дверь. Вера вздрогнула — нервы были на пределе. Она посмотрела на часы: половина десятого. Есть ещё восемь с половиной часов до того, как она должна «передать» артефакт.

Не передам, — решила она. — Ни за что.

Она надела пиджак, застегнула пуговицы, тщательно спрятав правую руку. Взяла папку с делом Алины Ковалёвой. Вышла в коридор.

— Я поеду на место, — сказала она секретарше. — Если спросят, я в городе.

— Какое место, Вера Сергеевна?

— Каширское шоссе. Контейнерная площадка. Хочу ещё раз осмотреть место обнаружения трупа.

Секретарша пожала плечами, — мало ли какие, причуды у прокуроров. Вера спустилась на парковку, села в свой «Фольксваген». Перед тем как завести мотор, она посмотрела на правую руку.

— Ты мне покажешь то, что видел Волков, — тихо сказала она перчатке. — Но не сейчас. Сначала я хочу понять, с кем имею дело. А потом — потом мы навестим твоего хозяина.

Бронза чуть заметно потеплела.

Вера нажала на газ. «Фольксваген» выехал со стоянки и растворился в сером утреннем потоке.

Через два квартала от здания МВД чёрная «Волга» без опознавательных знаков тронулась следом.

Полковник Туманов поправил левую перчатку — тонкую, кожаную, скрывавшую бронзу — и набрал номер.

— Она выехала, — сказал он в трубку. — На Каширку. Готовьте «Зеркало». Похоже, наша девочка решила поиграть в детектива.

— Убрать её? — спросил голос на том конце.

— Нет. Пока нет. Пусть смотрит. Пусть видит. Чем больше смертей она пропустит через себя, тем ближе она будет к нам. А когда сломается — мы предложим ей выбор. Они всегда выбирают правильно. Или умирают.

Туманов отключил звонок и посмотрел на свои руки. Двадцать лет он чистил память. Двадцать лет он обеспечивал порядок. И ни разу — ни разу! — он не усомнился в правильности своего пути. Потому что правда не делает мир лучше. Правда разрушает. А стабильность — вот что нужно.

Ты ещё поймёшь, Вера Гордеева, — подумал он. — Ты ещё придёшь ко мне сама. С протянутой рукой. Или с перерезанным горлом. Как повезёт.

«Волга» свернула за угол и исчезла.

Вера на Каширке вышла из машины, подошла к мусорным контейнерам. Место было пустынным — серые панельные девятиэтажки, редкие прохожие, дворник, сметающий листву. Ничего необычного. Место, где девушка провела свои последние минуты.

Она закрыла глаза. Представила лицо Алины Ковалёвой — по фотографии из дела. У неё были карие глаза и веснушки. Она любила группу «Король и Шут», училась на филолога, подрабатывала в кофейне.

И кто-то в левой перчатке заставил её умереть.

— Я найду тебя, — прошептала Вера. — Клянусь.

И в этот момент перчатка на её правой руке сжалась — не больно, а предупреждающе. Как будто кто-то смотрел на неё.

Вера резко обернулась.

Никого. Только дворник, уткнувшийся в метлу. И чёрная машина на противоположной стороне улицы, которая тут же уехала, едва она повернула голову.

— Так, — сказала Вера. — Игры начались.

Она села в машину, завела мотор. На этот раз она поехала не в офис, а в другое место. Туда, где год назад «нашли» тело Волкова. В лесополосу под Тверью.

Потому что если перчатка показывает смерти, она покажет и ту, что была у неё перед глазами год назад. Главное — найти оружие. Или предмет, который был свидетелем убийства.

А она знала, где его искать.

Волков, держись, — мысленно сказала Вера. — Я иду.

Глава 3. Вкус чужой крови

Центральный морг. Вторник, 11:30.

Вера вернулась в морг на следующее утро с единственной целью — доказать самой себе, что видение в ванной было случайностью.

Семён Ильич встретил её у входа с неизменной чашкой кофе в руках и лицом человека, который не выспался трое суток подряд.

— Выглядите хуже, чем в субботу, — сказал он вместо приветствия. — И это я говорю как патологоанатом.

— Комплимент, — огрызнулась Вера, но беззлобно. Она действительно выглядела плохо: под глазами залегли тени, кожа приобрела землистый оттенок, а правую руку она инстинктивно прятала за спиной, хотя рукав пиджака и так скрывал перчатку.

— Что на этот раз? — спросил Семён Ильич, пропуская её внутрь. — Опять странные ожоги?

— Хуже. Мне нужно посмотреть вещдоки по делу Алины Ковалёвой. Та девушка с Каширки.

Патологоанатом остановился на полпути, повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то — то ли понимание, то ли тревога.

— Дело закрыто, Вера Сергеевна. Передозировка.

— Дело закрыто фальшиво, — отрезала Вера. — И вы это знаете. Вы сами говорили мне тогда, что следы инъекций выглядят странно — будто их сделали уже после смерти.

Семён Ильич молчал несколько секунд, потом тяжело вздохнул.

— Вещдоки в седьмой комнате. Я провожу.

Седьмая комната для хранения вещественных доказательств находилась в подвале морга — холодное, стерильное помещение с металлическими стеллажами от пола до потолка. Здесь пахло спиртом, формальдегидом и ещё чем-то неуловимым — запахом насилия, который вьёдался в стены десятилетиями. На каждом ящичке была бирка с номером дела.

Семён Ильич достал с полки пластиковый контейнер, поставил на стол. Открыл.

Внутри лежали: одежда Алины Ковалёвой — джинсы, свитер, бельё; шприц с остатками жидкости; и нож.

Вера замерла.

Нож был охотничий, с широким лезвием и костяной рукояткой. Точно такой же, как в её видении. Тот самый нож, который вошёл в грудь девушки, когда Вера смотрела её глазами.

— Этот нож не фигурировал в деле, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В акте экспертизы оружие не указано.

— Потому что нож нашли не на месте обнаружения трупа, — ответил Семён Ильич. — Его принёс понятой через три дня после того, как тело забрали. Сказал, что нашёл в кустах возле контейнеров. Мы его зарегистрировали, но следователь решил, что это не относится к делу — на ноже не было ни крови, ни отпечатков. Пустая трата времени.

— Пустая трата, — повторила Вера. — А вы не думали, что его могли подбросить?

— Думал. Но у меня нет полномочий задерживать понятых.

Вера смотрела на нож. На лезвии не было видимых следов крови — его тщательно вытерли. Но перчатка на её правой руке уже начала нагреваться. Металл потеплел, потом стал горячим — почти обжигающим. Вера почувствовала, как из желобков выдвигаются нити — тонкие, почти невидимые, но она знала, что они там, потому что кончики пальцев начали покалывать.

— Не трогайте, — сказал Семён Ильич, заметив, как она тянется к ножу. — Это вещдок. Нарушите цепочку хранения.

— Я прокурор, — ответила Вера. — Я имею право.

Она взяла нож.

И мир взорвался.

Боль пришла не постепенно — она ударила наотмашь.

Вера не успела вдохнуть, не успела закрыть глаза, не успела даже понять, что происходит. Лезвие вошло в грудную клетку — и она почувствовала это как своё. Острый, рвущий, невыносимый удар, от которого перехватило дыхание. Лёгкое сложилось, как бумажный пакет. Кровь хлынула в горло — тёплая, солёная, с металлическим привкусом.

Вкус крови, — успела подумать Вера. — *Я чувствую вкус своей крови.*

Но это была не её кровь. Это была кровь Алины.

Она снова была в том теле — в теле убитой девушки, только теперь всё произошло гораздо быстрее, чем в прошлый раз. Десять секунд жизни жертвы растянулись в целую вечность. Вера видела, как нож входит в грудь, как лезвие поворачивается внутри, как мир вокруг распадается на цветные пятна. Где-то далеко играла музыка — может, в наушниках, может, в голове. «Король и Шут». «Лесник».

А потом — пять секунд рук убийцы.

Вера увидела их с пугающей чёткостью. Руки были в тонких чёрных перчатках — не в бронзовых, а в обычных, кожаных. Но поверх левой перчатки — та самая бронза. Такая же, как у Веры, только левая. Артефакт тускло блестел в полумраке комнаты — той самой захлавленной комнаты из первого видения. Убийца держал нож твёрдо, без колебаний. Профессионально. Хладнокровно.

Пальцы — длинные, с аккуратными ногтями — выскользнули из рукоятки, и Вера увидела запястье. На бронзовой перчатке, чуть выше края, была выгравирована буква. Символ. Как на теле Волкова. Только не «Т».

А «З».

Или не «З»? Вера не успела разглядеть — видение оборвалось.

Она очнулась на полу.

Семён Ильич стоял над ней, держа в руках нашатырь. Его лицо было бледнее, чем лица некоторых его пациентов.

— Вера Сергеевна, — сказал он, и в голосе его впервые за десять лет знакомства Вера услышала страх. — Вера Сергеевна, вы меня слышите?

— Нож, — прохрипела она. — Где нож?

Нож лежал на полу в трёх метрах — отлетел, когда она упала. Вера попыталась подняться, но руки не слушались. Тело было ватным, сердце колотилось так, будто хотело вырваться из грудной клетки. Она посмотрела на правую руку — из желобков перчатки всё ещё свисали нити, но они быстро втягивались обратно, прячась в бронзу.

— У вас кровь из носа, — сказал патологоанатом, протягивая салфетку.

Вера машинально коснулась лица — пальцы окрасились в алый. И ещё — привкус во рту. Кровь. Она сплюнула на пол, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

— Семён, — сказала она, с трудом вставая на четвереньки. — Дай мне бумагу. И ручку. Быстро.

— Вам нужно к врачу, а не...

— Бумагу, я сказала!

Патологоанатом оглянулся, нашёл на стеллаже чистый бланк акта экспертизы, вырвал лист, протянул вместе с ручкой. Вера села на холодный кафельный пол, привалившись спиной к стене, и начала рисовать.

Пальцы дрожали, линия выходила кривой, но она не могла остановиться. Сначала — руки. Длинные пальцы, чёрные перчатки, бронзовый наруч поверх левой. Она нарисовала артефакт с деталями, которые никак не могла знать: витиеватый узор на тыльной стороне, три

желоба (как у её собственной перчатки, но расположенные иначе), маленький рычажок у основания большого пальца.

Потом — гравировку. Букву, или символ, или клеймо. Вера вывела его на полях бланка, стараясь повторить в точности.

Зеркальная «Z»? Или перевёрнутая «N»? Или это вообще не буква, а руна?

— Что это? — спросил Семён Ильич, заглядывая через плечо. — Вы рисуете перчатку?

— Перчатка есть у меня, — сказала Вера, не поднимая головы. — А у убийцы — такая же, но на левой руке. Я её видела. Его руки. Я видела детали, которые не могла знать, потому что не была на месте преступления. Потому что дело закрыли. Потому что никто не искал правду.

Патологоанатом молчал. Долго. Потом сказал очень тихо:

— Вера Сергеевна, вы только что упали в обморок, у вас из носа пошла кровь, вы стукнулись головой. Не исключено, что у вас сотрясение. И вы говорите о том, что видите руки убийцы. Я знаю вас десять лет, я уважаю вашу интуицию, но...

— Но вы думаете, что я сошла с ума, — закончила за него Вера.

— Я думаю, что вам нужен психиатр, — поправил Семён Ильич. — И томография. И отдых. Вы работали без выходных последние три месяца. Волков... его смерть... это тяжело. Я понимаю.

— Вы не понимаете, — сказала Вера, поднимаясь. — И вы не видели того, что видела я. Она посмотрела на свои рисунки. На руки убийцы. На гравировку. И вдруг её осенило.

— Семён, дайте мне посмотреть вещдоки по делу Волкова.

— Их нет в морге. Их изъяли в субботу вечером, сразу после вашего ухода из архива. По приказу управления собственной безопасности.

— Кто подписал приказ?

— Полковник Туманов.

Вера замерла.

Туманов. Тот самый, который звонил ей в субботу. Тот самый, который двадцать лет служит в секретном архиве МВД. Тот самый, который, по её смутным подозрениям, имел доступ ко всем закрытым делам за последние десятилетия.

— Где его кабинет? — спросила она.

— В главном здании, четвёртый этаж. Но Вера Сергеевна...

— Спасибо, Семён. Вы мне очень помогли.

Она сунула рисунки в карман пиджака, поправила рукав, скрывающий перчатку, и направилась к выходу.

— Вера Сергеевна! — окликнул её патологоанатом. — Я серьёзно. Сходите к врачу. Это не нормально — падать в обморок и видеть чужие смерти. Это не работа, это...

Он не договорил.

— Это проклятие? — закончила за него Вера. — Может быть. Но если это проклятие поможет мне найти убийцу Волкова — я готова нести его на себе. До самого конца.

Она вышла.

Семён Ильич остался в седьмой комнате, глядя на нож, на пол, на капли крови, оставленные Верой на белом кафеле. Потом медленно достал телефон, нашёл в контактах номер и нажал «вызов».

— Алло, — сказал он, когда на том конце ответили. — Это патологоанатом Семёнов из центрального морга. Мне нужно доложить о возможной... профессиональной деформации у сотрудника прокуратуры. Веры Гордеевой. Да, той самой. Она только что... у неё случился приступ. Она видит то, чего не может видеть. Мне кажется, её нужно отстранить от работы. И... и направить на обследование.

Трубка что-то ответила.

— Хорошо, — сказал Семён Ильич и нажал «отбой».

Он убрал телефон в карман халата, поднял с пола нож — в перчатках, осторожно, — положил обратно в контейнер. И только тогда заметил, что на лезвии остался свежий след. Кровь. Не Алины Ковалёвой — та давно высохла. Чья-то другая.

Семён Ильич присмотрелся и похолодел.

На лезвии, на самом кончике, где Вера сжимала нож, осталась крошечная капля — алая, свежая, ещё не успевшая засохнуть. И рядом — микроскопический кусочек кожи. С правой ладони Веры.

Значит, перчатка, которую она носила, не защищала её от порезов. Или защищала, но по-своему.

— Господи, — прошептал патологоанатом. — Во что ты ввязалась, Вера?

Главное здание МВД. Четвёртый этаж. 13:15.

Вера поднялась на лифте, прошла по длинному коридору с зелёными стенами и табличками «Посторонним вход воспрещён». У двери с надписью «Секретный архив. Полковник Туманов» её встретил охранник — крепкий мужчина в штатском с тяжёлым взглядом.

— Вы записаны? — спросил он.

— Прокурор Гордеева по делу номер 187-с, — ответила Вера, показав удостоверение. — Полковник Туманов ждёт меня.

Охранник с сомнением посмотрел на неё, потом куда-то позвонил, что-то тихо сказал в трубку. Кивнул.

— Проходите. Двенадцатая комната.

Кабинет Туманова оказался не похож на типичное начальственное логово. Ни массивного стола, ни кожаного кресла, ни портретов президента на стенах. Вместо этого — скромная мебель из светлого дерева, стеллажи с папками, запах старой бумаги и табака. На столе — лампа с зелёным абажуром, стопка документов, пустая пепельница.

Сам Туманов сидел за столом, перелистывая какое-то дело. Он был выше среднего роста, седой, с аккуратной бородкой и спокойными, почти сонными глазами. На вид — лет пятьдесят, но держался так, будто прожил уже сотню. В левой руке он держал ручку — обычную, шариковую. Но Вера заметила, что поверх рубашки он носит тонкую кожаную перчатку.

Такую же, как у убийцы в видении.

Сердце пропустило удар. Вера сделала глубокий вдох и села на стул напротив, не дожидаясь приглашения.

— Вера Сергеевна, — сказал Туманов, откладывая дело. Его голос был ровным, вкрадчивым, почти гипнотическим. — Чем обязан? Я слышал, вы нашли тело вашего коллеги. Мои соболезнования.

— Вы знали Волкова? — спросила Вера, глядя ему прямо в глаза.

— Лично — нет. Но, разумеется, читал его дело. Печальная история. Спился, полез в драку, получил ножом. Обычная бытовуха.

— А потом его тело нашли в архивном подвале через год после похорон, — сказала Вера. — Это тоже обычная бытовуха?

Туманов усмехнулся — коротко, без тепла.

— Экспертиза покажет. Я не уполномочен комментировать ход расследования.

— Вы уполномочены изымать вещественные доказательства, — Вера подалась вперёд. — Вещдоки по делу Волкова были переданы в ваше ведомство в субботу вечером. Я хочу их посмотреть.

— Не можете, — ответил Туманов, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Это материалы особой секретности. Ваш допуск — третья форма. Нужна вторая.

— Я прокурор по особым делам. Я имею доступ ко всему, что связано с убийствами на территории Москвы.

— А это, Вера Сергеевна, — Туманов взял со стола одну из папок и помахал ею в воздухе, — это не убийство. Это... архивная ошибка. Тело Волкова пролежало в подвале из-за халатности сотрудников. Виновные будут наказаны. Остальное вас не касается.

Вера почувствовала, как перчатка на правой руке нагревается. Желоба пульсировали в такт сердцу. Нити не выдвигались — она контролировала себя, — но внутри нарастало что-то тёмное, голодное. Артефакт хотел коснуться Туманова. Хотел считать его память. Хотел увидеть то, что скрыто.

— У вас кровь из носа, — заметил Туманов, глядя на неё с лёгким любопытством. — Не хотите прилечь?

Вера коснулась лица — пальцы снова стали алыми. Она вытерла кровь тыльной стороной левой руки, стараясь не задеть правую.

— Спасибо за заботу, — сказала она. — Я просто устала.

— Отдых — лучшее лекарство, — кивнул Туманов. — И, Вера Сергеевна... держитесь подальше от вещдоков. Некоторые предметы могут быть опасны для неподготовленных людей.

Он посмотрел на её правую руку. Коротко, но Вера заметила этот взгляд.

Он знает.

Он знает о перчатке.

Она резко встала.

— Я позвоню, когда понадобится ваша помощь, — сказала она сухо. — До свидания, полковник.

— До свидания, Вера Сергеевна. И берегите себя.

Она вышла из кабинета, прошла мимо охранника, спустилась по лестнице на первый этаж. Только в машине, в относительной безопасности, она позволила себе выдохнуть.

Правая рука горела. Вера закатала рукав — под бронзой кожа покраснела, на запястье выступили мелкие капли крови. Артефакт требовал новой смерти.

Она посмотрела на рисунки, которые вытащила из кармана. На руки убийцы в чёрных перчатках. На гравировку — «Z» или «N» или что-то ещё.

— Туманов, — прошептала она. — У него левая рука в перчатке. И он знает про артефакт. Это не совпадение.

Она достала телефон, набрала номер лейтенанта Горелова — того самого, из архива.

— Алло, это Гордеева. Вы работаете сегодня?

— Вера Сергеевна? — голос лейтенанта был сонным, но встревоженным. — Да, я на смене. Что случилось?

— Нужна информация. По полковнику Туманову. Всё, что есть. Послужной список, награды, личные данные. И — это важно — связи с высшими чинами МВД за последние двадцать лет.

— Вера Сергеевна, это закрытые данные...

— Лейтенант, — перебила Вера. — Волкова убили. И я думаю, что Туманов имеет к этому отношение. Поможете — или мне обратиться к другому?

В трубке повисла тишина. Потом Горелов сказал:

— Я попробую. Но если узнают...

— Не узнают. Я вас прикрою.

Она нажала отбой. Посмотрела на свою правую руку. Бронза успела остыть, но на коже остались красные следы от желобков — как клеймо. Как напоминание о том, что каждая смерть, которую она видит, оставляет метку.

В машине зазвонил телефон. Номер был незнакомый. Вера взяла трубку.

— Прокурор Гордеева?

— Да, слушаю.

— Это Ольга, медсестра из городской психиатрической больницы №7. К нам поступил запрос на принудительное обследование сотрудника прокуратуры по фамилии Гордеева. Вас вносят в план госпитализации на завтра, десять утра. Я должна уточнить, сможете ли вы...

Вера не дослушала. Она отключила звонок и уставилась в лобовое стекло.

Семён Ильич, — подумала она. — Ты всё-таки позвонил. Или не ты?

Она посмотрела на рисунок, где была изображена левая перчатка с гравировкой. И вдруг поняла.

Туманов не просто знал о её артефакте. Он уже начал игру. Психиатрическая больница — это способ убрать её с доски, закопать правду под слоем диагнозов. Как закопали тело Волкова в архивном подвале. Как закопали показания свидетелей, которые «передумали» давать показания. Как закапывают всё, что не вписывается в картину стабильного, предсказуемого мира.

Но Вера больше не играла по правилам.

Она завела машину, выехала со стоянки. В голове уже созрел план. Если Туманов хочет запереть её в психушке, значит, он чего-то боится. Значит, она близка к правде. Значит, нужно действовать быстрее.

Она набрала номер, который не набирала год — номер вдовы Волкова, Анны.

— Анна Сергеевна? Это Вера. Нам нужно встретиться. Сегодня. Это важно.

— Вера? — голос женщины дрожал. — Вера, я... я слышала, что нашли... что Илья...

— Да, Анна. Его нашли. Но то, что вы знаете — те документы, которые он принёс вам за неделю до гибели, — они могут объяснить, почему он умер. Я знаю, вы боялись говорить. Но теперь у меня есть способ защитить вас. И отомстить.

Долгая пауза. Потом Анна сказала:

— Приезжайте. Я покажу.

Вера нажала на газ. «Фольксваген» рванул в сторону окраины, туда, где в панельной пятиэтажке жила вдова её погибшего напарника.

В зеркале заднего вида мелькнула чёрная «Волга».

Вера усмехнулась.

— Следите, полковник? Смотрите. Я всё равно узнаю правду. Даже если вы запрете меня в психушке. Даже если эта перчатка убьёт меня. Даже если придется стать палачом.

Бронза на её правой руке потеплела в ответ.

Скоро, — прошептал внутренний голос. — Скоро ты увидишь его смерть. И выберешь — убить или спасти.

Вера сжала руль так, что побелели костяшки.

— Я выбираю правду, — сказала она вслух. — А всё остальное — только цена.

Глава 4. Зеркало в архиве

Центральный архив МВД. Сектор особых хранений. Среда, 2:15 ночи.

Вера не любила взламывать замки. Она любила закон, ордера, подписи и синие печати. Но закон кончился ровно в тот момент, когда полковник Туманов посмотрел на её правую руку и улыбнулся. С той секунды Вера поняла: официальные пути перекрыты. Остались только чёрные ходы.

Лейтенант Горелов ждал её у служебного входа в архив, кутаясь в форменную куртку. Ночь выдалась холодной даже для середины осени — небо висело низкое, ртутное, без единой звезды.

— Вы с ума сошли, Вера Сергеевна, — прошептал он, впуская её внутрь. — Если узнают, меня не просто уволят. Меня посадят.

— Не узнают, — повторила Вера своё любимое враньё. — Я быстро.

Они прошли через пустой коридор первого этажа, мимо поста охраны, который Горелов каким-то чудом уговорил покинуть на десять минут — «проветрить помещение, там датчик задымления сработал». Вера не спрашивала деталей. Иногда ложь нужна даже самым честным людям.

Лифт не включали — слишком шумно. Поднимались пешком по бетонной лестнице с ржавыми перилами. На третьем этаже Горелов остановился, достал магнитный ключ.

— Сектор особых хранений. Сюда даже уборщики не заходят. Всё, что старше пятнадцати лет или имеет гриф «совершенно секретно».

— Дело Волкова здесь?

— Должно быть. В субботу его привезли из подвала. Туманов лично расписался в приёме.

Горелов приложил ключ к считывателю — дверь щёлкнула и открылась с тихим гидравлическим шипением. Внутри было темно, пахло озоном и старой бумагой. Лейтенант включил фонарик на телефоне.

— У вас есть час, — сказал он. — Потом смена охраны.

— Спасибо, Горелов. Я не забуду.

— Лучше забудьте. И меня вместе с этим.

Он ушёл, оставив Веру одну в длинном узком помещении без окон. Стеллажи уходили вверх до самого потолка, заставленные папками в синих и красных обложках. На каждой — номер дела, год, фамилия. Вера прошла в дальний конец, туда, где стеллажи были новее. Нашла нужную полку: «Волков И.В., дело № 187-с».

Папка была толстой, почти неприлично толстой для дела, которое формально закрыли за недостатком улик. Вера села прямо на пол, положила папку на колени, открыла.

Первые страницы — рапорт об обнаружении тела. Та самая лесополоса под Тверью. «Труп неизвестного мужчины, предположительно Волкова И.В., опознан по часам». Дальше — протокол осмотра места происшествия, фотографии. Вера пролистала их, стараясь не смотреть на лицо. Потом — допросы свидетелей.

И здесь она замерла.

Первый свидетель: водитель дальнобойщик, остановившийся на трассе покурить. Видел, как от лесополосы отъезжала тёмная машина. Показания — три страницы, написанные от руки следователем.

Второй свидетель: женщина, гулявшая с собакой. Видела мужчину, похожего по описанию на Волкова, накануне вечером в привокзальном кафе. Тоже три страницы.

Третий свидетель: продавщица из круглосуточного магазина. Волков покупал водку и сигареты.

Вера перечитала первый допрос, потом второй. И почувствовала, как по спине побежали мурашки.

Слово в слово.

Не просто похожие формулировки — идентичные предложения, одинаковые ошибки. В первом допросе свидетель говорил: «Я вышел покурить, потому что у меня нервы, у меня бессонница уже третью неделю». Во втором допросе женщина с собакой утверждала: «Я вышла погулять, потому что у меня нервы, у меня бессонница уже третью неделю».

Те же самые слова. Та же пунктуация. Даже запятые стояли на одних и тех же местах.

— Копипаста, — прошептала Вера. — Кто-то просто скопировал показания и вставил другие имена.

Она достала телефон, сфотографировала страницы. Потом открыла третье показание — продавщица из магазина. Та же история. «Нервы, бессонница, третья неделя».

Вера отложила папку и закрыла лицо руками.

Они не допрашивали свидетелей. Их не существовало. Это фальшивка. С самого начала.

Значит, Волкова убили не в драке. Его убили люди, которые могли подделать любые документы, стереть любые воспоминания, создать любую ложную картину. И главный инструмент — левая перчатка. Та самая, которую Вера видела в видении на руке убийцы.

Внезапно воздух в помещении изменился. Стал плотнее, тяжелее. Запах озона сменился чем-то сладковатым — как парфюм, но слишком приторный, почти тошнотворный.

— Я же просил вас отдыхать, Вера Сергеевна, — раздался голос за спиной.

Вера обернулась.

В дверях стоял полковник Туманов.

Он был без пальто, в одной рубашке с закатанными рукавами. Левая рука — в тонкой кожаной перчатке. На лице — ни тени удивления, только лёгкая усталость и что-то похожее на разочарование.

— Как вы... — начала Вера.

— Датчики движения, — ответил Туманов, входя в комнату. Дверь за ним закрылась автоматически. — Я поставил их в субботу, после того как вы ушли из архива. Знал, что вы вернётесь. Вы слишком умны, чтобы не вернуться. И слишком глупы, чтобы понять, когда нужно остановиться.

Он подошёл ближе. Вера встала, стараясь держаться прямо, хотя ноги дрожали. Папка с делом осталась на полу.

— Вы подделали показания, — сказала она. — Всех свидетелей. Их не существовало.

— Существовали, — поправил Туманов. — Просто они ничего не помнили. Пришлось... помочь.

— С помощью левой перчатки. Я видела её. На руке убийцы девушки с Каширки. Это вы убили Алину Ковалёву?

Туманов вздохнул — длинно, устало, как учитель, которому надоело объяснять прописные истины нерадивому ученику.

— Я не убиваю, Вера Сергеевна. Я никогда не поднимал руку ни на одного человека. Я стираю память. Иногда — вставляю новую. Это гораздо гуманнее, чем убивать. И гораздо эффективнее, чем сажать в тюрьму.

— А Волков? Его вы не убили?

— Я его не убивал, — повторил Туманов. — Но признаю, что его смерть — на моей совести. Он слишком близко подошёл к правде. Нашёл мои архивы, понял, как работает перчатка. Ему нужно было... помешать. Я не планировал его смерть. Просто стёр память о тех документах, которые он успел прочитать. А его отправили... другие люди.

— Какие другие люди?

— Те, кому я служу. Вера Сергеевна, вы думаете, я действую в одиночку? Что двадцать лет чистить преступления высокопоставленных лиц — это хобби одинокого пенсионера? Нет. У меня есть начальники. Есть система. Есть государственная необходимость.

— Вы говорите о коррупции, — сказала Вера. — О том, что прикрываете убийц и воров?

— Я говорю о стабильности, — ответил Туманов, и в его голосе впервые прозвучала страсть. — Вы знаете, что случится, если каждое преступление будет раскрыто? Если каждый губернатор, каждый генерал, каждый судья сядет за свои грехи? Хаос. Революция. Кровь на улицах. Я видел девяностые. Я не хочу их повторения. Лучше пусть один невинный умрёт, чем тысяча — в гражданской войне.

Вера смотрела на него и не верила своим ушам. Этот человек — с аккуратной бородкой, спокойными глазами, в чистой рубашке — действительно верил в то, что говорил. Он не был безумцем. Он был идеалистом. Самым опасным видом преступника.

— Вы отдали приказ убить Волкова, — сказала Вера. — Вы стёрли память свидетелям. Вы подделали документы. Это называется соучастие в убийстве. Это статья 105 УК РФ.

Туманов усмехнулся — впервые за вечер.

— Вера Сергеевна, вы сейчас сидите в секретном архиве без разрешения, в неуточное время. Вы незаконно изъяли вещественное доказательство — бронзовую перчатку, которая принадлежит государству. Вы скрываете факт его нахождения. Если я позвоню сейчас в дежурную часть, вас арестуют. А я дам показания, что вы проникли сюда с целью хищения секретных материалов. У вас не будет карьеры. У вас не будет свободы. У вас не будет ничего.

Он сделал шаг к ней. Вера отступила — упёрлась спиной в стеллаж.

— Но я не позвоню, — продолжил Туманов тихо. — Потому что вижу в вас родственную душу. Вы тоже хотите правды. Я тоже хотел правды двадцать лет назад. А потом понял: правда, делает больно. Правда разрушает. Правда убивает. Перчатка на вашей руке — она уже начала убивать вас, правда? Тахикардия после третьего видения? А после седьмого — откажут почки. Если не убить носителя оружия, чью смерть вы видели. Перчатка требует крови.

Вера похолодела. Откуда он знает про почки? Про тахикардию?

— Вы тоже носите такую, — сказала она. — Вы знаете, как она работает.

— Двадцать лет, — кивнул Туманов. — Левая. Она не показывает смерти. Она позволяет стирать воспоминания — свои и чужие. И ещё кое-что: переносить чужие воспоминания в свою память. Я храню в себе воспоминания тысячи людей. Каждый раз, когда я стираю чью-то боль, я забираю её себе. Вы думаете, ваша плата высока? Вы видите чужие смерти. А я ношу в себе чужие кошмары. Десятки тысяч кошмаров.

Он подошёл к стеллажу напротив, провёл пальцами по корешкам папок.

— Я стар, Вера Сергеевна. У меня уже не те силы, что раньше. Мне нужна замена. Кто-то, кто продолжит моё дело. Вы — идеальный кандидат. Вы умны, вы принципиальны, вы уже носите артефакт. И вы уже видели, что правда не всегда приносит справедливость. Она приносит только боль.

— Вы предлагаете мне стать вашей марионеткой? — Вера сжала правую руку в кулак. Бронза нагрелась, нити внутри желобков зашевелились. — Стирать память невинным? Прикрывать убийц?

— Я предлагаю вам выбирать меньшее зло. Вы можете остаться прокурором — честным, неподкупным, но беспомощным. А можете стать кем-то большим. Кем-то, кто решает, какая правда нужна миру, а какая — погубит его.

Она смотрела в его спокойные глаза и вдруг поняла: он не уговаривает. Он ставит диагноз. Он уже решил, что рано или поздно она сломается. Как сломались все до неё.

— Вы отстраняете меня от дела? — спросила Вера.

— Я уже отстранил, — ответил Туманов. — Сегодня утром подписан приказ о вашем увольнении по состоянию здоровья. Психиатрическая экспертиза назначена на завтра. Вы

будете признаны неменяемой — временно, разумеется. А потом, когда вы выйдете из клиники — через месяц, через два, — у вас не останется ничего. Ни работы, ни репутации, ни друзей. И тогда вы придёте ко мне. Потому что я предложу вам единственный выход.

— Вы ошибаетесь, — сказала Вера. — Я скорее умру, чем стану вашей пешкой.

— Возможно, — кивнул Туманов. — Но сначала умрут другие. Ваша правда кого-то убьёт. Только подумайте: скольким людям вы хотите открыть глаза? Увидев правду, они перестанут спать по ночам. Они начнут бояться. Ненавидеть. Убивать. Иногда милосердие — это солгать.

Он открыл дверь и жестом пригласил её выйти.

— Ступайте, Вера Сергеевна. Готовьтесь к экспертизе. И запомните: я не враг. Я — единственный, кто может защитить вас от того, кем вы станете, если будете продолжать.

Вера вышла в коридор, не оборачиваясь. Она шла медленно, стараясь сохранять достоинство, хотя ноги не слушались. На лестнице она села на ступеньку и долго смотрела в стену, пока не перестала трястись.

Потом достала телефон и увидела сообщение от Горелова: «Уходите! Он в здании!»

Слишком поздно.

Кабинет полковника Туманова. 3:00 ночи.

Он вернулся в кабинет, закрыл дверь, подошёл к столу. Сел в кресло, вытянул ноги. Тихо, пусто. Только вентиляция гудела где-то над потолком.

Туманов посмотрел на свою левую руку. Долго, пристально — как смотрят на старого врага, с которым уже не в силах расстаться. Потом медленно, почти торжественно стянул кожаную перчатку.

Бронза блеснула в полумраке кабинета. Такая же, как у Веры, но зеркальная. Желоба расположены иначе, рычажок с другой стороны. И гравировка — на этот раз чёткая, глубокая: стилизованная буква «Т». Та самая, что Вера видела на теле Волкова.

Туманов перевернул руку ладонью вверх.

На ладони, в центре, пульсировало тёмное пятно — не шрам, не родимое пятно, а что-то живое, подвижное. Отпечаток. Чужой памяти.

Он закрыл глаза и коснулся пятна пальцем правой руки.

Видение накрыло мгновенно.

Маленькая девочка лет десяти смеётся на качелях. Волосы светлые, косички. Платье в горошек. «Папа, толкай выше!» Он толкает. Он счастлив. Его дочь.

Потом — больница. Белые стены, запах лекарств. Девочка лежит на кровати, лицо бледное, под глазами синяки. «Папа, у меня больше нет сил». Он держит её за руку. Молит всех богов, в которых не верит.

Последний разговор. Она уже не встает. Говорит шёпотом: «Я хочу, чтобы ты запомнил меня такой. Не такой, какой я стану. Запомни счастливой». Он плачет. Она улыбается.

И темнота.

Туманов открыл глаза. На глазах блестели слёзы — он вытер их тыльной стороной руки, не стыдясь. В этом кабинете никого нет. Можно позволить себе слабость.

— Прости меня, Катя, — прошептал он. — Я не смог тебя спасти. Но я спасу других. Даже если им это не нужно.

Он посмотрел на отпечаток на ладони. Это был не единственный. Под ним — ещё один, старше, бледнее. И ещё. И ещё. Тысячи отпечатков — слоями, как геологические пласты. Каждый раз, когда он стирал чью-то память, он забирал её себе. Теперь он помнил чужие рождения, чужие свадьбы, чужие смерти. Чужие страхи. Чужие надежды.

Он был архивом. Живым архивом всех тайн, которые не должны были быть раскрыты.

Туманов надел кожаную перчатку, спрятал бронзу. Встал, подошёл к окну. За стеклом — ночная Москва, огни, пустые улицы. Город, который живёт своей ложью и не хочет знать правду.

— Вера Гордеева, — сказал он вслух. — Ты ещё придёшь. Я знаю. Ты слишком сильно хочешь справедливости. А справедливость — это всего лишь красивое слово для мести. И когда ты это поймёшь, ты станешь моей лучшей ученицей. Или моей последней жертвой.

Он взял со стола папку с делом Волкова и положил её в сейф. Набрал на телефоне номер.

— Отмените приказ об увольнении Гордеевой, — сказал он в трубку. — Пусть продолжает работать. Нужно, чтобы она сама себя загнала в угол. А мы только подтолкнём.

— Как скажете, полковник.

Туманов нажал отбой. Улыбнулся — в первый раз за этот вечер. Улыбка была кривой, печальной, совсем не торжествующей.

— Играем, Вера Сергеевна, — прошептал он. — Играем.

Квартира Веры Гордеевой. 5 утра.

Вера сидела на кухне, сжимая в руках кружку с давно остывшим чаем. Перед ней лежали фотографии из архива — те самые допросы, слово в слово. И рисунок левой перчатки с гравировкой.

На столе зазвонил телефон. Номер — Анна, вдова Волкова.

Вера взяла трубку.

— Вера, извините, — голос Анны был испуганным, сбивчивым. — Я не могу сегодня встретиться. Ко мне приходили... приходили люди. Спрашивали про документы. Я испугалась. Я их сожгла. Всё сожгла. Простите.

— Какие люди, Анна? — Вера напряглась.

— Не знаю. В штатском. Сказали, что из прокуратуры. Что вы больше не работаете. Что всё, что я скажу, будет использовано против меня. Я испугалась, Вера. Я одна, у меня дети...

— Анна, послушайте, — Вера старалась говорить спокойно, хотя внутри всё кипело. — Те документы — они были единственной уликой. Вы понимаете? Единственной.

— Простите, — женщина заплакала. — Я не хотела. Но они сказали, что если я не отдам, они заберут детей. Вера, у меня нет никого, кроме них...

— Вас понял, — сказала Вера. — Извините, что втравил.

Она нажала отбой.

Туманов опередил её. Не просто отстранил — уничтожил все доказательства. Теперь у Веры не было ничего, кроме перчатки на руке, которая медленно убивала её. И кроме рисунка, который она сама нарисовала — руки убийцы, левой перчатки с гравировкой.

Она посмотрела на свои руки. Правая — в бронзе, левая — свободная. На левой ладони она вдруг заметила что-то странное. Красное пятно. Не кровь, не грязь. Отпечаток.

Такой же, как у Туманова.

Только свежий.

Вера коснулась его пальцем и провалилась в видение.

Она — Туманов. Стоит в архиве, смотрит на себя — на Веру. Чувствует холодное удовлетворение. Слышит свои мысли: «Она ещё не знает. Она думает, что борется за правду. Но, правда, уже внутри неё. Перчатка переписывает её память. Каждое видение оставляет след. Скоро она перестанет понимать, где её собственные воспоминания, а где — чужие смерти».

И другая картина: комната, девочка на кровати. Умиравшая. Туманов держит её за руку. И шепчет: «Я запомню тебя счастливой. Даже если мне придётся забыть всё остальное».

Вера вынырнула из видения с криком.

Она сидела на полу кухни, прижавшись спиной к холодильнику. Сердце колотилось как бешеное. На левой ладони красное пятно пульсировало в такт пульсу.

— Он не стёр их, — прошептала Вера. — Он носит их в себе. Все чужие воспоминания. Все тайны. Он — живой архив.

Она посмотрела на правую руку. Бронза блестела в свете утренней зари, пробивающейся сквозь грязное окно.

— И я теперь тоже ношу. Чужую смерть. Чужую боль. И скоро — чужую память.

Вера закрыла глаза. В голове теснились голоса: Алина Ковалёва, уличный музыкант, девушка из Бутова, и теперь — сам Туманов, его дочь, его боль. Она уже не знала, где заканчивается она, и начинаются они.

— Правда, — сказала она в пустоту. — Ты говоришь, что правда разрушает. Но ложь разрушает сильнее. Я не стану тобой, Туманов. Я не буду прятать правду под слоем чужих воспоминаний. Я буду искать. Даже если это убьёт меня.

Она открыла глаза и увидела на столе свой рисунок левой перчатки. Гравировку. Букву «Т».

Провела пальцем по бумаге и вдруг поняла, что рисунок изменился. Там, где была буква «Т», теперь проступила другая. «З». Зеркальная. Та самая, что она видела в морге.

— Зеркало, — прошептала Вера. — Он сказал «Зеркало». Это не просто перчатка. Это пара. Одна показывает смерти. Другая стирает память. Но вместе они... что они делают вместе?

Она не знала ответа. Но знала, что найдёт его.

Даже если для этого придётся заглянуть в самую тёмную часть себя.

Глава 5. Первое убийство с артефактом

Квартира Веры Гордеевой. Четверг, 8 утра .

Спала она плохо. Всю ночь перед глазами мелькали лица — убитая девушка с Каширки, уличный музыкант с выжженными запястьями, Волков с его застывшим криком, и собственная рука, сжимающая нож. Ей снилось, что она убивает. Не в переносном смысле — она чувствовала, как лезвие входит в тёплую плоть, как кровь брызжет на лицо, как тело под ней обмякает. Просыпалась в холодном поту, долго смотрела в потолок, потом снова проваливалась в кошмар.

Утром она с трудом поднялась, подошла к зеркалу. На неё смотрела чужая женщина — землистое лицо, запавшие глаза, волосы, которые за два дня потеряли цвет и превратились в тусклую паклю. Правая рука в бронзовой перчатке распухла — кожа под металлом горела, будто Вера держала её в кипятке. На левой ладони красное пятно отпечатка увеличилось, теперь оно занимало всю середину ладони и пульсировало в такт сердцу.

С каждым видением я становлюсь меньше собой, — подумала Вера. — И больше — ими. Всеми теми, чью смерть я видела.

Она приняла душ — ледяной, чтобы прийти в себя, — выпила три чашки чёрного кофе, заела корвалолом. В девять утра позвонила Горелову.

— Лейтенант, у вас есть доступ к базе контактов Волкова? Друзья, знакомые, оперативные связи?

— Теоретически есть, — голос лейтенанта был сонным и испуганным одновременно. После вчерашнего он явно боялся даже дышать в сторону архива. — Но если Туманов узнает...

— Туманов уже знает всё, что ему нужно, — оборвала Вера. — Он позволил мне влезть в архив, потому что хотел запугать. Теперь ему это удалось. Но я не отступлю. Волков и музыкант — у них есть общее звено. Помогите найти.

Горелов вздохнул, что-то зашуршал клавиатурой, потом сказал:

— Волков за полгода до смерти консультировался с частным экспертом по старинному оружию. Некий Шульц, Михаил Борисович. Антиквар, специализируется на аномальных артефактах XIX–XX веков. У него лавка на Малой Дмитровке.

— Аномальные артефакты?

— Ну, вещи с историей. Проклятые бриллианты, старые зеркала, в которых видят призраков. Ерунда, конечно, но для коллекционеров — ценный товар.

Вера замерла.

— А музыкант? Уличный скрипач?

— Проверил, — сказал Горелов. — Он тоже бывал у Шульца. За месяц до смерти. По нашей базе проходил как покупатель — приобрёл старинную скрипку.

— Скрипку, — повторила Вера. — И умер с ожогами на запястьях, которых не должно быть от скрипки.

Она поблагодарила лейтенанта и нажала отбой.

Шульц. Звено, которое связывало Волкова и музыканта. Если Волков искал информацию о перчатках, он мог обратиться к антиквару, торгующему «аномальными артефактами». А музыкант мог купить не просто скрипку, а нечто большее — возможно, тот самый предмет, который оставил ожоги на его запястьях.

Или сам Шульц — носитель левой перчатки? — мелькнула мысль, но Вера её отбросила. — Нет, у Туманова левая. Шульц — посредник, возможно, продавец информации.

Она оделась — тёмные джинсы, свободный свитер, сверху длинное пальто, чтобы скрыть правую руку. Взяла диктофон, маленький пистолет (табельный, который положен прокурору для самообороны, хотя она ни разу им не пользовалась) и отправилась на Малую Дмитровку.

Лавка «Старина и легенды». Малая Дмитровка, 10:30.

Дверь антикварного магазина пряталась между кофейней и магазином одежды — узкая, обитая чёрным деревом, с латунной ручкой в виде львиной головы. Над входом висела вывеска: «Щульц М.Б. Антиквариат. Предметы искусства и истории». Вера толкнула дверь — внутри звякнул колокольчик.

В лавке пахло старым деревом, воском и табаком. Стены были заставлены шкапами с фарфором, бронзой, старинными книгами. Под потолком висела люстра с хрустальными подвесками, которые поблёскивали в свете настольных ламп. В центре — прилавок из красного дерева, за которым сидел человек лет шестидесяти с седой бородкой и умными, очень живыми глазами.

Михаил Борисович Щульц. Он был одет в жилет поверх клетчатой рубашки и походил на университетского профессора старой закалки.

— Доброе утро, — сказал он, откладывая лупу и какой-то механизм. — Чем обязан? Предпочитаете оружие, книги или необычные украшения?

Вера подошла к прилавку, достала удостоверение.

— Прокурор Гордеева. У меня к вам несколько вопросов. По делу Ильи Волкова, погибшего год назад, и Григория Саенко, уличного музыканта, умершего на прошлой неделе.

Щульц не изменился в лице — ни тени удивления, ни страха. Только глаза стали внимательнее.

— Саенко? Я знал его. Хороший скрипач, тонкая душа. Царство небесное. А Волков... следователь? Да, был у меня, разговаривали.

— О чём?

Щульц на секунду задумался, потом вздохнул.

— О перчатках. Бронзовых. Парных.

У Веры перехватило дыхание. Она сдержалась, чтобы не схватить его за грудки.

— Что именно вы ему сказали?

— То, что знаю. Перчатки были изготовлены в 1864 году по заказу судебного следователя при особо важных делах императорского двора. По легенде, они позволяли видеть последние секунды жизни жертвы и стирать память свидетелям. Две перчатки — пара. Правая — для правосудия. Левая — для забвения. Следователь использовал их для раскрытия убийств, но вскоре сошёл с ума, потому что плата была слишком высока. Перчатки требуют крови. Каждое использование приближает смерть. А если использовать обе вместе... — Щульц покачал головой. — Лучше не использовать.

Вера молчала. Всё, что он говорил, совпадало с тем, что она уже знала — и даже больше.

— Где перчатки сейчас? — спросила она.

— Одна была утеряна в революцию, другую забрали большевики. Потом — НКВД, КГБ, теперь — спецархив МВД. Левая перчатка, та, что стирает память, точно находится у них. Правая... я слышал, она снова появилась в обороте. Говорят, её нашли чёрные копатели на месте старого сражения.

— Вы знали, что она у Волкова?

Щульц посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом.

— Я догадывался. Он приходил ко мне за инструкцией. Спрашивал, как активировать артефакт, как снимать, как не сойти с ума. Я сказал: никак. Перчатка выбирает сама. И не отпускает. Только смерть носителя разрывает связь.

— Или отсечение руки, — заметила Вера.

— Или это, — согласился антиквар. — Но выживают после такого единицы.

Он вдруг наклонился вперёд, прищурился.

— Позвольте взглянуть на вашу правую руку.

Вера колебалась секунду, потом закатала рукав. Бронзовая перчатка блеснула в свете ламп. Шульц медленно выдохнул — не то ужас, не то восхищение.

— Она наделась на вас. Сама. Значит, вы — избранная. Прокурор. Ищете правду. Как и тот, первый.

— Сколько видений я смогу выдержать? — спросила Вера.

— Сколько угодно. Вопрос — сколько вы сможете жить после них. Третье видение — тахикардия, как у вас уже, я вижу. Седьмое — отказ почек. Тринадцатое — остановка сердца. Но если после каждого видения вы убиваете того, кому принадлежало оружие, которое вы касались, артефакт получает «плату» и отступает. Вы перезагружаете счётчик.

— Убиваете, — медленно повторила Вера. — То есть чтобы выжить, я должна стать палачом.

— Не вы, — поправил Шульц. — Перчатка. Но она — теперь часть вас. И она будет требовать крови. Это её природа. Вы не сможете долго сопротивляться.

Вера сжала кулак. Бронза нагрелась — то ли от её гнева, то ли от собственной древней жажды.

— Саенко. Уличный музыкант. Что он купил у вас? Скрипку?

— Нет, — Шульц покачал головой. — Скрипка была предложением. Он приобрёл у меня небольшой предмет — старую гильзу, найденную на месте гибели Волкова. Я сам нашёл её через неделю после того, как тело «обнаружили» в реке. Там были странные следы — выжженные руны, похожие на те, что оставляет левая перчатка. Я продал гильзу музыканту, потому что он сказал, что хочет провести собственное расследование. Думал, он просто коллекционер.

— Он проводил расследование, — сказала Вера. — И его убили. С помощью того же артефакта.

Шульц побледнел.

— Я не знал. Клянусь, не знал. Я думал, что перчатка левая всё ещё в архиве, под охраной.

— Она там, — ответила Вера. — Но ею пользуются. Полковник Туманов.

— Туманов, — повторил антиквар, и в его глазах мелькнуло что-то — узнавание. — Я слышал эту фамилию. Двадцать лет назад он приходил ко мне, расспрашивал о перчатках. Я тогда отказался сотрудничать. Думал, он забудет.

— Он не забыл, — Вера поднялась. — Михаил Борисович, мне нужна информация о том, как уничтожить левую перчатку. Или хотя бы нейтрализовать.

— Уничтожить? — Шульц усмехнулся горько. — Их нельзя уничтожить. Перчатки — не просто металл. Они — живая память всех убитых и тех, кто стирал эту память. Но вы можете... переписать. Если наденете обе перчатки сразу, вы станете единым целым с архивом всех тайн. И тогда сможете выбрать — оставить правду или похоронить её навсегда.

Вера замерла. Надеть обе? У неё была правая. Левая — у Туманова. Значит, нужно забрать у него.

— И что будет с тем, кто наденет обе?

— Станет богом, — тихо сказал Шульц. — Или чудовищем. Обычно второе.

Он хотел сказать что-то ещё, но в этот момент дверь лавки распахнулась. Вошли двое — крепкие мужчины в чёрных куртках, с короткими стрижками и отсутствием всякого выражения на лицах. Те, кого в народе называют «чистильщиками». За ними, держась чуть поодаль, стоял невысокий человек в очках, с планшетом в руках.

— Вера Сергеевна Гордеева? — спросил один из мужчин. — Вы арестованы по подозрению в незаконном хранении оружия и артефактов, представляющих угрозу государственной безопасности. Не сопротивляйтесь.

Вера не успела даже пошевелиться — они схватили её за руки. Правая, в бронзовой перчатке, не поддавалась — мужчина отдернул пальцы, когда бронза обожгла его даже через ткань куртки.

— Что это? — прошипел он.

— Не ваше дело, — ответила Вера. — Я прокурор. У вас нет ордера.

Человек в очках шагнул вперёд, показал бумагу с печатями.

— Есть. Подписан лично полковником Тумановым. Отстранение от должности, немедленная психиатрическая экспертиза, изъятие вещественных доказательств.

Щульц попытался вмешаться: «Господа, здесь недоразумение...» — но второй мужчина оттолкнул его к стене. Старая люстра над головой закачалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.